

З. П. Соколова

ПРОБЛЕМА РОДА, ФРАТРИИ И ПЛЕМЕНИ У ОБСКИХ УГРОВ

Вопросу о формах социальной организации у обских угров в прошлом уделялось немало внимания. Данной проблеме посвящены капитальные исследования и интересные статьи С. В. Бахрушина, В. Н. Чернецова, Н. Н. Степанова, З. Я. Бояршиновой, А. И. Мурзиной, Н. А. Свешникова и др.¹ Общеизвестна дискуссия, которая велась на страницах научной печати в 1930-х годах о наличии элементов феодализма в обско-угорском обществе². И хотя в целом точка зрения С. В. Бахрушина не была принята большинством исследователей, до сих пор в литературе появляются высказывания о феодальном характере общественных отношений у обских угров в XVII—XIX вв. Для исследований, посвященных данной проблеме, характерны две тенденции: 1) модернизация общественных отношений у обских угров и 2) некоторая архаизация их³.

Когда речь идет о социальной организации обских угров XVII—XIX вв., то необходимо помнить о ее особенностях, казалось бы исключаящих друг друга: с одной стороны, отсутствие деления на роды и их родовых названий, с другой стороны, господство в брачных нормах дуальной экзогамии и других пережиточных явлений, указывающих на вероятность существования у них в прошлом рода (тотемические предки генеалогических кровнородственных групп и их культ, тотемический характер тамг и свойственных определенным группам типов орнаментов, фонды имен кровнородственных групп). Это противоречие было отмечено нами при подготовке одной из глав монографии «Общественный строй у народов Северной Сибири», в которой мы обращались к пробле-

¹ С. В. Бахрушин, Остяцкие и вогульские княжества в XV—XVII вв., «Научные труды», III, часть вторая, М., 1955; В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-югорского общества, «Сов. этнография», 1939, II; его же, К истории родового строя у обских угров, «Сов. этнография», 1947, VI—VII; Н. Н. Степанов, К вопросу об остяко-вогульском феодализме, «Сов. этнография», 1936, III; З. Я. Бояршинова, Население Западной Сибири до начала русской колонизации, Томск, 1960; А. И. Мурзина, К вопросу о социальном строе народов Северо-Запада Сибири, «Уч. зап. ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948; Н. А. Свешников, Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX — начале XX века, «Уч. зап. Ленинградского педагогич. ин-та им. А. И. Герцена», т. 222, Л., 1961; см. также библиографию в статье З. П. Соколовой, Социальная организация обских угров (к истории вопроса), в сб. «Социальная организация и культура народов Севера», М., 1974.

² С. В. Бахрушин, Указ раб.; Н. Н. Степанов, Указ. раб.

³ Ср. например: «Общественный строй у народов Обского Севера до Октябрьской революции», «Уч. зап. Горьковского пед. ин-та им. М. Горького», серия историческая, вып. 49, 1965; Н. А. Миненко, Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в., Новосибирск, 1975.

ме общественных отношений у обских угров в прошлом⁴. В данной статье мы хотим рассмотреть проблему рода, фратрии и племени у хантов и манси на основе анализа около 16 тыс. записей о браках населения шести уездов бывшей Тобольской губернии (Верхотурского, Пелымского, Березовского, Сургутского, Тобольского и Туринского) за вторую половину XVIII — первую, а в ряде случаев и вторую половины XIX в.

В архивных источниках XVI—XVII вв. ханты и манси зафиксированы только под именами, а позднее, в XVIII—XIX вв., под фамилиями, образованными от имен и отчеств, а также от прозвищ предков⁵. Об отсутствии в архивных материалах сведений о родовых делениях у обских угров и их названий писали в свое время Б. О. Долгих и А. И. Мурзина⁶. На эту особенность не могли не обратить внимание ученые и путешественники и раньше⁷. В то же время для хантов и манси характерна дуально-эксогоамная организация. Фратрии Пор и Мось северных хантов и манси подробно описаны В. Н. Чернецовым и А. М. Золотаревым⁸. Из опубликованных данных можно сделать вывод о том, что деление на фратрии было свойственно в прошлом лишь северным группам обских угров⁹. Только у них известны названия фратрий Пор и Мось и выявлены такие особенности фратриального деления, как дуализм, фратриальные центры и культ тотемических предков фратрий. Однако существование дуального деления у других групп обских угров подтверждается анализом их брачных связей. Материалы по северным хантам и манси и восточным группам хантов (Нижняя и Средняя Обь с притоками) отчасти опубликованы нами¹⁰. Предварительные итоги анализа записей о браках по группам южных хантов, живущих по рекам Иртыш и Конда, и манси (южных, восточных и западных), расселенных по рекам Конда, Пелым, Тавда, Тура, которые мы предлагаем вниманию читателя в данной статье, подтверждают этот вывод. Основная часть проанализированных материалов относится ко второй половине XVIII в., записи о браках, заключенных в XIX в., дополняют их. В настоящей статье мы приводим только процентные данные¹¹.

Основным источником для выявления характера брачных связей обских угров были церковные метрические книги. Они велись ежегодно священниками при церквях в двух экземплярах. Один из них оставался в церкви, другой отсылался в Духовную консисторию в Тобольске. В архиве Тобольска хранится более 300 единиц этих документов, составленных на территории Западной Сибири (бывшей Тобольской губернии)¹². Нами просмотрено 172 единицы, кроме того, еще 29 единиц, хра-

⁴ «Общественный строй у народов Северной Сибири», гл. IV; см. также: З. П. Соколова, Социальная организация обских угров...; ее же, Формирование ареалов этнографических групп хантов и манси, в сб. тезисов «Ареальные исследования в языкознании и этнографии», Л., 1975; ее же, Формирование этнографических и территориальных групп у обских угров, в сб. «Этногенез и этническая история народов Севера», М., 1975.

⁵ З. П. Соколова, О происхождении обско-угорских имен и фамилий, «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

⁶ А. И. Мурзина, Манси (вогулы) в XVIII веке и первой половине XIX века, «Уч. зап. ЛГУ», серия факультета народов Севера. № 157, вып. 2, 1953, стр. 231; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, «Тр. Ин-та этнографии», т. LV, М., 1960, стр. 75.

⁷ Н. К. Хондажевский, Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом, «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. II, 1888, стр. 17.

⁸ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство...: А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.

⁹ См. упомянутые выше работы В. Н. Чернецова, А. М. Золотарева и др.

¹⁰ «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 113—125. В материалах по Сургутскому уезду (восточные ханты) тогда отсутствовали данные по XVIII в.

¹¹ Все цифровые материалы будут приведены нами в подготавливаемой к печати монографии.

¹² Государственный архив Тюменской области, филиал в г. Тобольске (далее — ГАТОТ), ф. 156, оп. 20. Нами использованы материалы метрических книг по 13 воло-

нящихся в районных (Березовском, Сургутском и Мужевском) загсах, переданных туда из архивов церквей.

Каждая метрическая книга состоит из четырех частей: записи о рождении, бракосочетании и смерти, духовная исповедная роспись прихожан. Мы пользовались записями о бракосочетаниях и исповедными росписями. Правда, последние сохранились лишь при очень немногих метрических книгах. Нам удалось использовать всего 13 исповедных росписей за разные годы. Наиболее ранние записи о браках относятся к 1730 г., но они очень плохого качества (неполные — без указания фамилий брачных партнеров). Наиболее ранние полные записи браков по южным уездам относятся к 1750 г., по северным — к 1770 г. К последней четверти XVIII в. относятся и наиболее ранние исповедные росписи.

Работа над метрическими книгами весьма трудоемка, так как у обских угров отсутствуют указания на принадлежность их к какой-либо группе — родовой, фратриальной или племенной. Вместо этого указываются фамилии брачных партнеров, названия селений-юрт и волостей, где проживали представители данной фамилии. Обилие фамилий, юрт и волостей (по шести уездам — 54 волости, более 300 юрт, более 2 тыс. фамилий), в которых проживали ханты и манси, усложняет работу. Из метрических книг мы выписывали все браки хантов и манси, указывая фамилию, имя, отчество брачащихся, селение и волость, в которых они проживали. Все записи о браках были пронумерованы. На каждую фамилию были заведены стандартные карточки, в которых под фамилией брачащихся, принадлежащих к разным поколениям, но носящих одну фамилию, с левой стороны выписывались их партнеры по бракам в пределах той же волости, а с правой стороны — брачные партнеры из других волостей и уездов. Карточки были сгруппированы в алфавитном порядке по волостям и уездам. Не принимались во внимание неясные браки (записи с искаженными фамилиями или без фамилий), хотя около половины неясных записей удалось расшифровать с помощью исповедных росписей. В остальных случаях браки со вдовами, падчерицами, племянницами классифицировались условно — по фамилии мужа, приемного отца или дяди. После того как фамилии всех брачащихся были выписаны на карточки, мы приступили к их анализу. Во внимание принимались фамилии, у представителей которых было не менее 3—5 брачных партнеров. Анализ браков в Березовском и Тобольском уездах отличался от анализа браков населения других уездов: волости Березовского и Тобольского уездов более обширны, их население заключало браки по преимуществу в пределах волости, тогда как жители остальных уездов чаще заключали браки с жителями соседних волостей. Поэтому в Березовском и Тобольском уездах мы рассматривали браки отдельно по каждой волости, а в остальных уездах — по группам соседних волостей.

Для выявления дуально-экзогамных групп хантов и манси мы применили методику Б. О. Долгих, которую он использовал при изучении

стям Березовского уезда (за 1730—1826 гг. № 19—26, 39—41, 679—731, за 1842—1844 гг. № 746—748, за 1805—1854 гг. № 263) по 20 волостям Сургутского уезда (за 1790—1847, 1820—1860 гг., 1839—1849, 1854—1862 гг. № 260—262, 279, 1128—1132), по 9 волостям Тобольского уезда (за 1770—1862 гг. № 19—25, 28—30, 34, 36, 38, 43—44, 47—48, 50, 52, 244—247), по 4 волостям Пельымского, 4 волостям Верхотурского и 5 волостям Туринского уездов (за 1765—1838 гг. № 357—428). По Сургутскому уезду использован также ф. 706 оп. 1 — метрические книги Ваховской церкви за 1837—1848, 1867 гг. Используются также метрические книги, хранящиеся в фондах районных загсов: Березовского за 1847—1857, 1864—1897 гг. (метрические книги Казымской Успенской, Градо-Березовской Богородице-Рождественской, Сосьвинской Христорождественской церковью и Баскресенского собора), Мужевского — за 1863—1905 гг. (метрические книги № 1—9), Каргасокского — за 1881—1917 гг. (метрические книги Каргасокской церкви), Сургутского — за 1863—1900 гг. (метрические книги Сургутской Троицкой, Юганской и Ваховской Богоявленской церковей).

дуальных браков у кетов (к сожалению, эта работа не была им опубликована). На лист бумаги, разделенный вертикальной чертой пополам, мы переносили данные с карточек. Слева вписывали основную фамилию брачащихся — представителей разных поколений данной фамилии, а справа — фамилии всех брачных партнеров. Таким образом, все фамилии были разделены на две части или группы — I и II, причем около фамилии справа указывалось количество браков с представителями другой группы, слева — с членами той группы, к которой они были отнесены нами в результате анализа. В тех случаях, когда число браков с представителями своей группы превышало количество браков с членами противоположной группы, данная фамилия переносилась в ту группу, в которой у нее было меньше всего браков. По каждой волости составлялось по 3—6 вариантов таких схем, пока не удавалось найти оптимальную. В полученных таким образом таблицах-схемах после каждой фамилии указано число браков с представителями другой группы, а перед фамилией — число нарушений дуальной экзогамии (т. е. число браков с членами своей дуальной группы). Когда были обработаны записи о браках по всем волостям (внутриволостные браки), был проведен анализ браков с жителями других волостей и уездов (межволостных и межуездных), и в таблицы-схемы, отражающие дуальное деление населения волости, добавлен цифровой материал по дуальным бракам и бракам, нарушающим дуальную экзогамию. Сначала нами были проанализированы материалы по Березовскому уезду. Используя свои полевые материалы и данные В. Н. Чернецова¹³ о принадлежности северных групп хантов и манси к той или иной фратрии, мы определили, что I группа — это фратрия Мось, II группа — фратрия Пор. При наличии некоторого количества браков между представителями разных волостей и уездов оказалось возможным соотнести с фратриями Пор и Мось дуальные группы Сургутского и других уездов.

С помощью исповедных росписей были выявлены расселение представителей разных фамилий по юртам, а также принадлежность того или иного селения к определенной дуальной группе и расселение членов I и II фратрий.

В пользу данной методики говорят следующие факты. Во-первых, правильность отнесения той или иной фамилии к Пор или Мось подтверждается полевыми материалами В. Н. Чернецова и нашими (по лыпинско-сосыновскому манси, сыско-куноватским хантам). Во-вторых, жители двух известных нам фратриальных центров — селений Вежакоры (Пор) и Белогорье (Мось) в результате анализа браков оказались принадлежащими именно к данным фратриям. В-третьих, представители одинаковых фамилий, встречающихся в разных волостях (результат миграций населения), в большинстве случаев оказывались принадлежащими к одной и той же фратрии.

Затем выяснялось, в течение какого времени сохранялась дуальная экзогамия. Для этого мы подсчитали процент сохранения и нарушения дуальной экзогамии за три отрезка времени: вторую половину XVIII в., первую и вторую половины XIX в. Выяснилось, что нарушений дуальной экзогамии больше в XIX в., особенно во второй его половине. Были подсчитаны средние данные в целом за 100—150 лет (середина XVIII—XIX вв.). Эти данные оказались очень близкими к выводам по XVIII в.

Помимо материалов метрических книг нами дополнительно были использованы материалы ревизских сказок (переписей 1782 и 1795 гг.)¹⁴. Они восполнили недостающие исповедные росписи; кроме того, из них мы почерпнули некоторые материалы по бракам. Но церковные метрические книги имеют преимущества перед ревизскими сказками в изуче-

¹³ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-югорского общества.

¹⁴ ГАТОГ, ф. 154, оп. 8, № 44, 72.

нии брачных связей населения: записи о браках в них значительно полнее и точнее; кроме того, в ревизских сказках не всегда указаны фамилии брачных партнеров и юрты, в которых они проживали, не разграничены домохозяйства и т. п.

Поскольку административное деление Тобольской губернии многократно менялось, для коррекции мы использовали данные ясачных книг XVII в.¹⁵ В основном нами принято деление губернии на уезды и волости на конец XVIII—XIX в. Васюганская и Ларьятская волости Нарымского уезда в приложенных к статье таблицах условно отнесены нами к Сургутскому уезду.

Итак, ханты и манси каждой волости всех шести уездов Тобольской губернии делились на две брачащиеся друг с другом группы: мы их называем дуально-экзогамными группами, или фратриями. Исключения из правил дуальной экзогамии составили от 18 до 31% в Березовском уезде (нижняя Обь с притоками — северные ханты и манси), от 11 до 34% в Сургутском уезде (Средняя Обь с притоками — восточные ханты), 24% в Тобольском уезде (ханты р. Демьянка), от 6 до 25% в Пелымском уезде (реки Пелым и Верхняя Конда — западные и восточные манси), 29% в Туринском уезде (р. Тура — южные манси), 20% в Верхотурском уезде (реки Лозьва и Сосьва — западные манси). Нарушения дуальной экзогамии возрастают к концу XIX в. Так, по материалам Ляпинской волости Березовского уезда, 89% браков, заключенных в 1730—1800 гг., дуально-экзогамны, в браках первой половины XIX в. дуально-экзогамных — 88%, в браках второй половины XIX и начале XX в. — 50%, т. е. дуальная экзогамия фактически отсутствует. Анализ брачных связей населения дает нам также представление о расселении представителей обеих фратрий. Иногда устанавливается их раздельное в прошлом расселение на территории бассейнов рек. Так, в верховьях р. Ляпин жили Мось, в низовьях — Пор, в среднем течении на притоках Северной Сосьвы Тапсуй и Вогулка — Пор, в верховьях и низовьях Северной Сосьвы — Мось, на р. Казым — Мось, на р. Сыня — Пор¹⁶. В ряде случаев селения были экзогамными и имели однофратриальный в прошлом состав населения. В конце XVIII — начале XIX вв. экзогамных селений было уже мало. Благодаря миграциям они стали смешанными по фратриальному составу.

Еще Г. Д. Вербов обнаружил у хантов р. Аган деление на три большие экзогамные группы, которые он называл родами: *пуни-сыр* (род медведя), *нохк-сыр* (род лося), *мохк-сыр* (род бобра)¹⁷. В 1960—1970-х годах томскими этнографами было установлено деление в прошлом на три экзогамные группы и других восточных хантов¹⁸. У хантов рек Юган и Пим такие группы тоже тотемические и по наименованиям сходны с аганскими: *пуни сыр*, *нох-сыр* и *мэх-сыр*. У хантов р. Васюган названия трех экзогамных групп связаны с именами почитаемых предков-духов, а не животных: *Онкул-ях-юнг-сур-ях* (народ духа Серной речки), *Кулун-игол-ях-юнг-сур-ях* (народ духа Рыбной речки), *Колэн-ях-юнг-сур-ях* (народ духа Еловой речки). На р. Вах названия их связаны, очевидно, с этнической историей ваховских хантов: *Вать-ях* — народ города, *Лар-ях* — народ сора, *Тым-ях* — народ с Тыма.

Среди названий этих групп встречаются два термина — *сыр* (*сур*, *сыр*) и *ях*. Первый относится обычно к экзогамным группам типа фрат-

¹⁵ Центральный Государственный архив древних актов. Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, кн. 1, 10, 19, 22, 45, 53, ст. 8, 58, 71, 72, 103, 105 и др.

¹⁶ См. об этом: В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), № 35, М., 1953, стр. 62.

¹⁷ Г. Д. Вербов, Лесные неццы, «Сов. этнография», 1936, 2.

¹⁸ Н. В. Лукина, В. М. Кулемзин, Новые данные по социальной организации восточных хантов, в сб. «Из истории Сибири», вып. 21 («Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири»), Томск, 1976.

рии и более мелким тотемическим группам, которые в литературе называются родами (подразделения фратрий), и переводится как «род», «вид». Второй термин более общий, он аналогичен мансийскому *махум* и переводится как «народ», «люди», чаще всего он обозначает не экзогамные, а территориальные группы.

Судя по фамильному составу и брачным связям представителей данных групп, первичными были две группы — «медведя» и «бобра». Третья, образовавшаяся, видимо, сравнительно недавно, менее многочисленна. У всех восточных хантов есть группа медведя, отдельные ее представители вступали в браки с членами фратрии Мось северных хантов. Поэтому ее можно соотносить с фратрией Пор северных хантов и манси, почитавших медведя. С ней связана небольшая группа лося. Второй экзогамно-фратриальной группой восточных хантов можно считать группу бобра. По свидетельству Н. В. Лукиной, у васюганских хантов также более древними являются две экзогамные группы — Онкул-ях и Кулун-игол-ях, они были и наиболее многочисленными. Интересно отметить компактное расселение представителей этих групп: Пуписир жили на р. Большой Юган, Мэх-сир — на р. Малый Юган, Онкулях — в верховьях Васюгана, Колэн-ях — по р. Васюган ниже юрг Катыльга и т. д. В то же время отмечено деление васюганских хантов на более мелкие тотемические группы типа Сортынг-ях, Лонтын-ях, Ягельях и др. Нетрудно заметить аналогии этих материалов с данными по фратриям северных хантов и манси.

В дуально-фратриальной системе хантов и манси наряду с большим сходством с дуально-фратриальной организацией других народов можно обнаружить специфические черты. Как уже было показано В. Н. Чернецовым и А. М. Золотаревым, для дуально-фратриальной организации обских угров характерны: сознание кровного родства между членами фратрии, почитание тотемических предков фратрий, принцип дуализма (дихотомии), проявляющийся в целом ряде представлений и обычаев (представления о разном происхождении членов двух фратрий, о вражде главных духов-покровителей обеих фратрий, различные самоназвания членов фратрии, элементы соперничества представителей той и другой фратрии, почитание различных пород деревьев в качестве священных), соблюдение тайны обрядов и священных сказаний. К особенностям дуально-фратриального деления хантов и манси относятся: наличие отдельных для мужчин и женщин каждого селения священных мест, где приносили жертвы разным почитаемым духам¹⁹; существование фратриальных центров и хранителей фратриального культа, отмеченное еще В. Н. Чернецовым²⁰. Фратриальные центры, очевидно, были характерны для каждой территориальной группы. Так, к числу названных В. Н. Чернецовым (Вежакоры и Белогорье) можно добавить Теги на Нижней Оби (центр фратрии Пор), Ломбовож на Ляпине (центр фратрии Мось), Вытвожгорт на Сыне (вероятно, центр фратрии Пор). Особенностью дуально-фратриального деления хантов и манси является также отсутствие четкого деления фратрий на роды, преобладание дуальной, а не родовой экзогамии.

В то же время нельзя не отметить едва заметные следы деления фратрий на тотемические группы типа родов. Такие группы были отмечены В. Н. Чернецовым на Северной Сосьве, Ляпине, Нижней Оби и другими исследователями — на Средней Оби с притоками²¹. Это, например, группа *Ийних махум* (Пор) — народ филинов из селений Хорумпауль и Хоренг на Ляпине, почитавший в качестве предков — старика и

¹⁹ З. П. Соколова, Женские и мужские священные места у хантов р. Сыня, «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году», I, М., 1972.

²⁰ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство...

²¹ См. литературу в работе З. П. Соколовой, Социальная организация обских угров..., стр. 125.

старуху филинов (Ипы ойка и Ипы эква), или Сортынг-ях — народ щуки, Лонтын-ях — народ гуся, Ягель-ях — народ дикого лука на Вадюгане, у которых уже не прослеживаются следы почитания тотемических предков. Наряду с тотемическими встречаются группы, почитавшие антропоморфных предков: *Вати-супэт* (Пор) — короткие рубашки, *Сас-сипаль* (Пор) — берестяные ножны, *Наркусь* (Пор) — облезшая парка, *Сампилтал* (Пор) — слепой (все — по Северной Сосьве). Некоторые из этих названий (*Вати-супэт*, *Сампилтал*) легли в основу фамилий (*Вадичуповы*, *Сампилталовы*). Эти фамилии образованы, очевидно, от имен предков. Фамильная структура таких групп — подразделений фратрий — различна. Одни из них образованы из одной фамилии: *Вати-супэт* — *Вадичуповы*, *Нура* (медлительный) — *Пакины* (Северная Сосьва), *Соинг* (гагара) — *Лелятовы* (*Ляпин*), *Тохленг сыр хум* (люди крылатого рода) — *Шешкины* (*Ляпин*); другие — из разных фамилий: *Ийпих махум* — *Хозумовы* и *Лисмановы*, *Сас-сипаль* — *Гоголевы*, *Ендыревы*, *Рукины*, *Сонькины*. Некоторые из них локализируются в отдельных селениях: *Соинг* — в *Сома-пауль* на *Ляпине*, *Тохленг сыр хум* — в *Ломбовоже* на *Ляпине*, *Вати-супэт* — в *Нильдино* по *С. Сосьве* и т. п. Но немало и таких групп, представители которых живут в разных селениях: *Лонгит* (*Монины* и *Кобылевы*) — в селениях *Петкаш* и *Резимовские* на *Северной Сосьве*, *Наркусь* (*Гындыбины* и *Каслипаевы*) — в селениях *Оурья* на *Северной Сосьве* и *Мунгутлорском* на *Оби*. Весьма трудно локализовать тотемические группы на *Средней Оби*, где почти не было долговременных больших селений. Нередки случаи, когда одна группа имеет несколько названий — тотемического и антропоморфного характера, например: *Рампанта*, *Сулян*, *Паштер-махум* с *Ляпина* из селений *Мункез* и *Межи* (*Ромбандеевы*, *Соляновы* и *Паштерховы*); здесь *Паштер-махум* — тотемическое название (народ крылатого существа *Паштер*), *Рампанта* — предковое имя, термин *Сулян* неясен.

Таким образом, в рамках фратрий выявляются слабо локализованные аморфные, кровнородственные группы, очень похожие на роды. Члены этих групп осознавали свое кровное родство. Они вели свое происхождение от тотемического или антропоморфного предка, почитали его, носили его имя, вступали в браки по нормам дуальной экзогамии, жили в одном или нескольких селениях, носили одну или несколько фамилий, имели общий фонд имен, отождествляемых с душами предков данной группы²². Возможно, с некоторыми из тотемических предков связано происхождение отдельных тотемических тамг²³ и специфических узоров, являющихся священными для членов этих групп²⁴. В своих последних работах *В. Н. Чернецов* называл такие группы не родами, а генеалогическими тотемическими территориальными общностями и подчеркивал, что они расселялись на определенных территориях в нескольких селениях. Локальную группу — жителей одного селения — он считал филиальным подразделением более крупного генеалогического тотемного объединения, образовавшимся в результате дробления последнего²⁵. Вслед за *В. Н. Чернецовым* мы называем подобные группы генеалогическими, кровнородственными, подчеркивая, что не всегда они были тотемными. От классического рода, описанного в литературе, они отличаются аморфностью и преобладанием дуальной экзогамии. В прошлом границы расселения таких групп, вероятно, совпадали с границами отдельных селений (там, где существовали долговременные большие поселения). К концу XVIII в. (в это время по историческим источникам

²² В. Н. Чернецов, *Наскальные изображения Урала, «Свод археологических источников», В4-12(2), М., 1971; З. П. Соколова, Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычаи, «Сов. этнография», 1975, № 5.*

²³ Ю. Б. Симченко, *Тамги народов Сибири XVII века, М., 1965.*

²⁴ В. Н. Чернецов, *Древняя история Нижнего Приобья, стр. 70.*

²⁵ В. Н. Чернецов, *Наскальные изображения Урала... стр. 80, 81.*

можно проследить фамильный состав селений) поселков, заселенных одной генеалогической группой, сохранилось мало, хотя они хорошо реконструируются по материалам брачных связей населения в Березовском уезде. Большинство селений тогда уже было смешанным как по фратриальному составу, так и по составу генеалогических кровнородственных групп. Такие смешанные селения можно назвать локальными группами. В отличие от начавших складываться в XIX в. территориальных общин — юрт в них еще довольно сильны кровнородственные связи основного ядра генеалогической группы, населявшей поселок в прошлом, а также дуальная экзогамия, которой подчиняются в некоторых случаях даже переселенцы. В южных районах Западной Сибири, а также, вероятно, на Средней Оби, где население было еще более смешанным, следы подобных генеалогических и фратриальных подразделений прослеживаются менее четко, чем на севере.

Аморфность и нечеткость подразделений фратрий — генеалогических кровнородственных групп — при столь длительном (в некоторых местах вплоть до начала XX в.) господстве дуальной экзогамии можно считать спецификой родового строя обских угров. Однако если иметь в виду значительные перемещения населения, большую роль иноэтнических влияний (ненцев, татар, русских) и административно-ясачной политики царского правительства, несомненно, в значительной степени разрушивших социальную структуру населения, то можно предположить, что к XVII—XVIII вв. существовавшие в прошлом подразделения фратрий — роды — могли почти полностью распаться. Может быть, в далеком прошлом они были гораздо более четкими и локализованными, а их аморфность, зафиксированная в XVII—XIX вв., — следствие их разложения.

Стойкость дуально-фратриальной системы обских угров удивительна. Чем ее объяснить? Мы подошли к интересной проблеме происхождения дуально-фратриального деления у хантов и манси. Сторонниками ее большой архаичности были В. Н. Чернецов, А. М. Золотарев и Б. О. Долгих²⁶. В. Штейниц же считал, что она возникла сравнительно недавно — в период смешения пришлого угорского и аборигенного сибирского населения. По его мнению, Пор — этноним аборигенов, Мось — угров. Хотя серьезных аргументов в пользу своей гипотезы он не привел²⁷, надо отметить, что некоторые данные могут подтвердить его точку зрения. Так, термин Пор встречается на очень широкой территории — от северных и северо-западных районов Удмуртии на западе до Средней Оби на востоке. У части удмуртов это этноним по отношению к манси²⁸, у хантов и манси — название фратрии, имя фольклорного персонажа Пырнэ²⁹, у селькупов известны группы Поркан-гула и Массун-гула³⁰, у ненцев в фольклоре есть образ Пор-нэ нгаа³¹.

В то же время оказывается, что термины Пор и Мось в прошлом были известны не только северным группам хантов и манси. То, что у других групп хантов и манси (кроме северных) исследователи (Б. Мункачи, К. Папай, К. Карьялайнен) не нашли фратрий Пор и Мось, хорошо объяснено В. Штейницем: в обско-угорском фольклоре есть термины Пор и Мось, но они переводятся неправильно, так как сакральны и тца-

²⁶ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство...; А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология...; Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967, стр. 224.

²⁷ W. Steinitz, Totemismus bei den Ostjaken, «Ethnos», 4—5, Stockholm, 1938.

²⁸ Т. И. Тепляшина, К вопросу об этнониме Пор, «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967.

²⁹ Н. В. Лукина, В. М. Кулемзин, Полевые материалы, 1975, Архив Проблемной лаборатории по истории, археологии и этнографии при Томском университете.

³⁰ Г. Н. Прокофьев, Селькупская грамматика, Л., 1935, стр. 12, 13; В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство..., стр. 21.

³¹ А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, стр. 227.

тельно скрываются от посторонних. Упомянутыми учеными Пор и Мось переведены как «сказочные люди» (мось в этом случае звучит как «сказка»), а Порнэ — ведьма, женский демон. «Поскольку социальное значение этого термина не было известно..., его смысл в фольклоре и религии представлялся неверно», — делает вывод В. Штейниц³². В другой своей работе он приводит существовавшие в прошлом термины фратрии Мось у южных хантов — моньть, у ваховских (восточных) хантов (маньть)³³.

По данным фольклора манси, Пор — древнейшие люди на земле. В то же время из отдельных сказаний северных манси можно сделать вывод, что Пор — это ханты, а Мось — манси. А с другой стороны, термин Мось каким-то образом связан с древним этнонимом угров-савыров³⁴.

Рассматривая проблему происхождения дуальной организации обских угров, нельзя пройти мимо того факта, что дуально-фратриальное деление было характерно в недавнем прошлом и для других западно-сибирских народов — ненцев, селькупов, кетов. Эту особенность социального строя данных народов подчеркивал еще Б. О. Долгих³⁵, высказавший в свое время точку зрения на происхождение фратрий у азиатских ненцев, весьма близкую гипотезе В. Штейница³⁶. В последнее время ее поддерживает В. И. Васильев³⁷. По мнению этих ученых, фратрии азиатских ненцев сформировались на основе слияния аборигенных и пришлых с юга самодийских племен.

Е. А. Алексеенко считает дуально-фратриальную организацию кетов архаичной, не связанной с двухкомпонентным по происхождению составом кетов³⁸. Для селькупских фратрий, как и для обско-угорских, характерна тотемическая основа, свидетельствующая об их большой архаичности. Это же обстоятельство говорит в пользу древности и обско-угорских фратрий. Между прочим, в фольклорных преданиях манси рассказывается, что Пор и Мось жили тогда, когда на земле еще не было людей.

Надо сказать, что все западносибирские народы, у которых длительное время сохранялось дуально-фратриальное деление, сформировались на основе слияния аборигенного, очевидно уральского, и пришлого с юга — угорского, самодийского, кетского населения. Может быть, у всех этих народов дуально-фратриальное деление возникло благодаря смешению этих двух компонентов? Тогда мы должны сделать вывод, что двухфратриальная структура данных народов связана с их этногенезом. Мысль о возможности влияния этнической истории народа на развитие его общественного строя уже высказывалась³⁹. Этногенетические процессы могли оказывать влияние на социальную историю народа, которая тесно связана с его этнической историей.

Тем не менее, думается, что дуально-фратриальная система у этих народов возникла значительно раньше. Дуально-фратриальное деление было свойственно, очевидно, еще предкам этих народов — уральским племенам, расселенным по Западной Сибири. Термин Пор, прослеживаемый у всех, кроме кетов, был связан, вероятно, с аборигенным уральским населением. В то же время можно предположить, что под влиянием

³² W. Steinitz, Указ. раб., стр. 128, 129, прим. 10.

³³ В. Штейниц, Хантыйский (остяцкий) язык, «Языки и письменность народов Севера», ч. I, М.—Л., 1937, стр. 194.

³⁴ З. П. Соколова, Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема), «Сов. этнография», 1975, № 6.

³⁵ «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 362, 363.

³⁶ Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, стр. 227.

³⁷ «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 185, 186.

³⁸ Там же, стр. 164.

³⁹ Там же, стр. 15.

населения, пришедшего с юга, дуально-фратриальная организация трансформировалась. В результате этого появилась новая терминология (например, Мось, Массун-гула у обских угров и селькупов). Таким образом, слияние аборигенного и пришлого населения, брачащегося между собою, имевшего различные представления о происхождении и разные этнонимы, привело не к образованию дуальной системы, а лишь к утверждению существовавшей прежде традиции дуального деления. Это обстоятельство, возможно, отчасти объясняет причины столь длительного бытования дуально-фратриального деления у этих народов. Подводя итоги вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что дуально-фратриальной организации у обских угров свойственны не только черты, характерные для других народов мира на данной стадии развития первобытно-родовой организации (древность, тотемическая основа, дуализм), но и специфические. Это большая аморфность, выражающаяся в том, что, с одной стороны, с трудом выявляются границы обеих фратрий, с другой, почти не выделяются подразделения фратрий — роды. Свообразно и длительное существование дуальной экзогамии. Вполне вероятно, что оригинальной была и сама история развития дуально-фратриальной системы обских угров (возможна перестройка ее под воздействием этногенетических процессов), как и у других народов Западной Сибири, сформировавшихся на общей уральской основе.

Если сравнивать дуально-фратриальную организацию обских угров с родовой организацией других народов, то ближе всего к ней система фратрий и так же слабо выраженных родов, описанная у австралийских племен⁴⁰. Более поздний период развития родовой организации характеризует, очевидно, система четко выраженных родов и уже утрачивавшая свое значение фратриальная система, известная у североамериканских индейцев⁴¹.

Специфичным, на наш взгляд, было и племя у обских угров. Термин «племя» в литературе и исторических документах употребляется в двух значениях: как этническая общность, не сложившаяся в народность (до Великой Октябрьской социалистической революции так говорили о хантах и манси, например остяцкое племя, вогульское племя); под племенем подразумеваются и подразделения данной этнической общности, обладающие рядом социальных функций. Так, среди тех же хантов и манси исследователи выделяли около полутора десятка племенных объединений, бывших волостных объединений, к которым иногда неверно применяли феодальный термин «княжество». В обоих случаях племя понимается как этносоциальная категория, причем среди признаков племени наиважнейшее значение имеют этнические — самоназвание, диалект, тогда как социальные функции племени — самоуправление (наличие совета племени, племенных вождей и т. п.) — не всегда могут быть четко выражены⁴².

С. В. Бахрушин выделил у хантов и манси 10 племен по числу волостей или «княжеств»: Кода, Обдор, Ляпин, Куноват, Казым, Сосьва, Белогорье, Бардаково, Пелым, Конда⁴³. Б. О. Долгих к ним добавил еще восемь: Табары, Туринское, Ендыр, Аганское, Юганское, Ваховское, Васюганское и Лунпукольское⁴⁴. Позднее на основе лингвистических данных были выделены семь племенных группировок манси: верхне- и нижнелозьвинская, верхне- и среднекондинская, верхне- и нижнесосьвинская, ляпинская и четыре таких же группировки хантов:

⁴⁰ «Народы Австралии и Океании», (сер. «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956, стр. 149—162.

⁴¹ Л. Г. М о р г а н, Древнее общество, Л., 1934, стр. 52—60; Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1951, стр. 91, 92.

⁴² Ю. В. Б р о м л е й, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 127.

⁴³ С. В. Б а х р у ш и н, Указ. раб., стр. 115—150.

⁴⁴ «Общественный строй у народов Северной Сибири...», стр. 336—340.

нижнекондинская, среднеиртышская, среднеобская и казымская⁴⁵. П. Вереш считает, что в так называемом княжестве Пелым жили три племени манси, каждое из которых имело свой диалект (восточный, западный и южный)⁴⁶.

Говоря о племенах у хантов и манси, в одной из своих последних работ мы высказали мнение о том, что в XVII—XIX вв. у обских угров племен уже не было⁴⁷. Сопоставив лингвистические, этнографические и исторические материалы с данными метрических книг о брачных связях обских угров в конце XVIII и XIX в., мы пришли к выводу о том, что среди хантов и манси этого времени можно выделить группы двух категорий — этнографические и территориальные. Для этнографической группы характерны самоназвание этнического характера, самостоятельный язык (или же группа диалектов), общность культуры и большая степень эндогамности (более 90% браков заключается внутри данной группы). Члены территориальной группы имели самоназвание географического характера, свой диалект, их культура отличалась некоторым своеобразием; они заключали браки преимущественно в своей среде (более 50—60%). Территориальная группа являлась подразделением этнографической, каждая этнографическая группа состояла из нескольких территориальных. В той же работе нами было высказано также предположение, что в прошлом некоторые территориальные группы сформировались на месте племенных объединений.

В данной статье мы ставим задачу на основе анализа брачных связей хантов и манси XVIII—XIX вв. выявить границы эндогамных групп, которые можно было бы сопоставить с племенами, существовавшими у них в прошлом. Как мы указывали ранее⁴⁸, брачные связи населения в значительной степени способствовали формированию этноса, именно эндогамность группы определяла общность ее языка, культуры и самосознания. В последнее время вопрос о связи эндогамии с развитием этноса получил широкое освещение⁴⁹.

Переходя к характеристике различных эндогамных общностей у хантов и манси, необходимо отметить, что в литературе сложилось представление о возможности сопоставления хантыйских и мансийских волостей с племенами или (на примере Сургутского уезда) с родами. Существовало даже мнение о том, что само объединение обско-угорских селений в определенные административные единицы (волость, уезд) было сделано на основе существовавших у них социальных единиц⁵⁰. В действительности, как мы увидим далее, уезды и волости, в которых жили обские угры, были очень различными по территории, численности населения и чаще всего не совпадали с этническими и социальными общностями.

Так, в Березовском уезде (бассейн Нижней Оби с притоками Северная Сосьва, Ляпин, Казым, Куноват и др.), ханты и манси, составлявшие большинство населения, жили в соседстве с ненцами. В Сургутском (бассейн Средней Оби с притоками Юган, Аган, Тром-Юган, Пим, Вах, Васюган и др.) — ханты соседствовали на севере с ненцами, на востоке — с селькупам. В Тобольском уезде (бассейн Нижнего Ирты-

⁴⁵ «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956, стр. 590.

⁴⁶ П. Вереш, «Общественные и этнические группы манси в XVII—XIX вв.», «Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum», pars I, Budapest, 1975.

⁴⁷ З. П. Соколова, «Формирование этнографических и территориальных групп у обских угров...», стр. 210; см. об этом же в работе «Общественный строй у народов Северной Сибири», гл. IV.

⁴⁸ «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 126.

⁴⁹ Ю. В. Бромлей, «Этнос и эндогамия», «Сов. этнография», 1969, № 6.

⁵⁰ Литературу см. в работе З. П. Соколовой «Социальная организация обских угров...», стр. 114, 115, 129.

ша с Демьянкой и Нижней Кондой, часть Оби в районе слияния с Иртышом и ее приток Назым) хантыйское население жило в тесном соседстве с татарами. В Пелымском (бассейн Пелыма, Верхней и Средней Конды, Средней Тавды), Туринском (Верхняя Тавда и Тура) и особенно Верхотурском (бассейн притоков Тавды — Сосьвы, Лозьвы, а также районы Западного Приуралья) уездах, где издавна жили манси, в XIX в. проживало много русских и татар.

Эндогамные общности — группы населения с максимальным числом браков, заключенных в своей среде, — выявлялись нами на основе сравнения соотношения внутриволостных, межволостных и межuezдных браков. На первом этапе анализа внутриволостных и межволостных брачных связей подсчитывался процент эндогамности волости. Например, на 1249 браков, заключенных населением Ляпинской волости, внутриволостных было 788 (63%), межволостных — 461 (37%); таким образом, процент эндогамности волости — 63. В тех случаях, когда в волости преобладали межволостные брачные связи над внутриволостными, рассматривалось соотношение внутриволостных и межволостных брачных связей не одной, а нескольких соседних волостей. Так, например, эндогамная группа салымских хантов была выявлена на основе сопоставления браков трех волостей — Салымской Сургутского, Темлячевской (Темличеевой) и Тарханской волостей Тобольского уездов. В этих волостях эндогамных (внутриволостных) браков было соответственно 47, 38 и 40% (см. табл. 3, 4), но процент эндогамности всей группы салымских хантов, проживавших на территории всех трех волостей, составил 76 (см. табл. 8), так как в число эндогамных браков вошли не только внутриволостные, но и браки, заключенные между жителями этих трех волостей, в число же межволостных — только браки, заключенные за их пределами. В другом случае, как это было с ваховской эндогамной группой, пришлось отдельно подсчитать количество браков, заключенных населением р. Вах, входившим в состав пяти волостей — Ваховской, Караконской по Куль-егану, Лумпокольской, Салтыковой и Тымской по Ваху.

На втором этапе выявлялись эндогамные группы с максимальным числом эндогамных (заключенных в своей среде) браков. Для этого группы волостей, жители которых заключали браки друг с другом, объединялись и подсчитывалось соотношение браков, заключенных в пределах данной группы волостей и за ее пределами. Иногда границы таких эндогамных общностей частично совпадали с границами уездов (Сургутского, Березовского, Тобольского). Эндогамные группы, совпадавшие с границами волостей, так же как и некоторые межволостные объединения, удалось соотнести с территориальными группами хантов и манси, более широкие эндогамные общности, с максимальным числом эндогамных браков, в некоторых случаях частично совпадавшие с территориями уездов — с их этнографическими группами.

Количество и соотношение внутриволостных и межволостных браков было подсчитано отдельно по трем хронологическим периодам — второй половине XVIII в., первой и второй половинам XIX в., а также в целом. Оказалось, что к концу XIX в. несколько возрос удельный вес внутриволостных браков, а характер межволостных браков, их ориентация изменились мало. В данной статье из-за отсутствия места мы приводим лишь материалы в целом, за XVIII—XIX вв. Отметим, также, что в тех случаях, когда число заключенных населением браков в цифровом выражении незначительно, их процентное выражение может быть очень велико. Это замечание относится к бракам, заключенным населением Назымской и Верхне-Демьянской волостей Тобольского уезда с хантами Сургутского уезда (табл. 1, 4), а также жителями Верхотурского и Туринского уездов — с населением Пелымского уезда (табл. 1, 6, 7), а также к бракам, заключенным населением Больше-Юганской, Аган-

Ориентация брачных связей по уездам

Уезд	Численность об-ско-уезд-ного населения	Характер браков в уезде						Ориентация межурездных браков по каждому из уездов (всего 100%)								
		100%			100%			Вере-зовский	Сур-гутский	Тоболь-ский	Пельм-ский	Верхо-тур-ский	Турин-ский	Нарым-ский	Южные	
		внутри-уездные	междо-уездные	междо-уездные	внутри-уездные	междо-уездные	междо-уездные									
Березовский	9559 ¹	58	42	98	2	94,2	4,8	1	10,5	83	1	0,5				
Сургутский	5204 ²	41	59	92	8	93,6	5,6	0,8	10	85	27	0,4	1,3			4
Тобольский	2736 ³	67	33	78	22	45	47	8	34,7	36,6						
Пельмский	1949 ⁴	71	29	78	22	25	47,5	27,5	2	41,3	66	22,2	35,5			
Верхотурский	340 ⁵	44,7	55,3	75,5	24,5	52	30	18	2	2	59	37	30			
Туринский	117 ⁵	43	57	77	23	62	29	9								4

¹ Вычислены по исповедной росписи метрической книги Березовского уезда 1794 г. (ГАТОГ, ф. 156, оп. 20, № 702) и дополнена данными ревизской переписи 1795 г. по некре- щенному населению Обдорской волости (ГАТОГ, ф. 154, оп. 8, № 79).

² Вычислены по ревизской переписи 1782 г. (ГАТОГ, ф. 154, оп. 8, № 44). Данные по Высотинской и Дарьятской волостям вкаты у Н. Григорьевского («Описание Распанской тундры», «Записки Западно-Сибирского отдела Русск. географич. общества», VI, 1884), по Большой волости — в «Списке населенных мест Уралской области (Тобольский округ)», Свердловск, 1928.

³ Вычислены по исповедной росписи метрической книги 1798 г. (ГАТОГ, ф. 156, оп. 20, № 52), в Кошутской волости — по росписи 1789 г. (там же, № 381).

⁴ Вычислены по исповедным росписям метрических книг 1788 г. (Пельмские и Табаринская волости) и 1798 г. (Кондинские волости) — ГАТОГ, ф. 156, оп. 20, № 383, 52.

⁵ Вычислены по исповедной росписи метрической книги 1789 г. (ГАТОГ, ф. 156, оп. 20, № 383).

Ориентация брачных связей населения

Волость	Численность населения	Характер браков в волости (всего 100%)		Характер межволостных браков в волости (всего 100%)			Ориентация межволостных				
		внутри-волостные	межволостные	межволостные	междузданные	межнациональные	Длинная волость	Сосвинская волость	Казымская волость	Оддорская волость	
Ляпинская	1107	63	37	99	0,1	0,9					
Сосвинская	713	66	34	99,4		0,6	55	46	1,3	8	
Казымская	830	80	20	91,8	7,7	0,5	3	9,6	5	1,5	
Оддорская	1624	59 ¹	41	99,6		0,4	17	1,7	1,7	1,7	
Куноватская	1539	72	28	98,7		0,3	28	6	6,5	45	
Подгородная	876	52	48	100			22	17,5	28	3	
Чемашевская	392	36	64	97	2	1	1,7	16	13	0,6	
Естыльская	530	44	56	96,6		3,4	0,4	3	0,5		
Шеркальская	239	9,5	90,5	99,3	0,7		1	4	1		
Ендырская	364	41	59	95,3	3,7	1			2		
Малоатлымская	645	52	48	89,3	5	5,7			7		
Сужуковская	279	25	75	82	16	2					
Белогорская	421	32	68	54,6	44	1,4			0,6		

¹ Процент вычислен по данным метрических книг. По материалам ревизской переписи 1795 г. внутри-волостные браки составляют 25% от общего числа браков, заключенных за пределами

Ориентация брачных связей населения

Волость	Численность населения	Характер браков в волости (всего 100%)		Характер межволостных браков в волости (всего 100%)			Ориентация межволостных браков,						
		внутриволостные	межволостные	межволостные в своем уезде	междузданные	межнациональные	Б. Юганская волость	М. Юганская волость	Юганская Подгородная волость	Тром-Юганская волость	Обская Тром-Юганская волость	Аганская волость	Пимская волость
Больше-Юганская	536	39	61	99,3	0,2	0,5		36,3	25	8,7	8,4	2,3	6,3
Мало-Юганская	355	29	71	99,5		0,5	56,6		23	3,7	3,7	0,3	5,8
Юганская Подгородная	408	13	87	99,7		0,3	52,8	31,1					4,3
Тром-Юганская	337	19	81	91	9		32,3	8,7	3,3	1,9	1,6	1	12,6
Обская Тром-Юганская		29	71	100			49,2	13,8	4,3	0,8	0,6	8,7	1,7
Аганская	127	29	71	95	1	4	17,6	1,1	3,3	17,6	6,5	5,2	4,4
Пимская	193	51	49	99,3	0,7		30,2	18	10,1	16,5	1,5	2,2	
Балыкская	237	49	51	98,5	1,5		46,4	9,6	8,8		0,8		16,6
Сальмская	276	47	53	44,3	55,7		5,8	3,3	8,9				7,6
Селярская	92	28	72	62,2	35,9	1,9	4,7						
Ваховская	519	45	55	99,6	0,4		5,7	5,2	1,2	20	10	16,6	0,5
Лумпокольская по Ваху	247	71	29	98,3		1,7					1,5		
Салтыкова по Ваху	68	3	97	100			6,2						
Лумпокольская по Оби	486	37	63	100			1,3		1,3	1,3		1,3	0,7
Салтыкова по Оби	219	31	69	100									
Пирчина	326	58	42	100				1	1				1
Ларьятская	89	7	93	100									
Васюганская	623	91	7	58,8	23,6	17,6	5						
Тымская по Ваху	140	35	65	100									
Караконская по Кульгану	68	12	88	100									

ской и Тром-Юганской волостей с жителями Березовского уезда, Пимской и Ваховской — с жителями Тобольского уезда, Балыкской — с жителями Нарымского уезда (см. табл. 3).

Мы не учитываем браки некрещеного хантыйского населения самых северных городков Обдорской волости, зафиксированных ревизской переписью 1795 г. (их здесь 36%), так как это было кочевое население, впоследствии полностью ассимилированное ненцами. Позднее (в XIX в.) подобные (хантыйско-ненецкие) браки в метрических книгах отмечались крайне редко, по всей видимости, они если и заключались, то только некрещеным населением. В таблицу по Сургутскому уезду включены данные по Ларьятской (низовья Васюгана), а также по части Тымской и Караконской волостям (верховья Ваха и его притоков), считающихся селькупскими. Анализ фамильного состава и брачных связей населения этих районов свидетельствует о том, что там жили и ханты.

Итак, брачные связи населения отражают различную направленность этнических связей в отдельных частях уездов, в волостях. Так, по брачным связям население южных волостей Березовского уезда (особенно Малоатлымской, Сухоруковской и Белогорской) тяготеет к Тобольскому, ханты Темлячевской и Тарханской волостей Тобольского уезда — к Сургутскому уезду, Кошутской волости (Нижняя Тавда) Тобольского уезда — к населению Тавды, разделенному между Пелымским и Туринским уездами. Точно так же население Табаринской волости Пелымского уезда (Средняя Тавда) связано браками с манси Кошутской (Тобольского уезда) и Чернавской (Туринского уезда) больше, чем с манси Пелымского уезда. Вследствие этого степень эндогамности населения разных уездов существенно различается (табл. 1).

Сравнение данных табл. 2—7 показывает, что волости были очень разными по численности населения, по размерам, по этнической и социальной структурам. В большинстве случаев волости не являются ни полностью эндогамными, ни экзогамными и не могут сопоставляться с племенем или родом. Некоторые монолитные в этническом отношении группы (этнографические и территориальные) оказались разделенными между разными волостями и уездами. Особенно характерны примеры северных и южных хантов, южных манси, салымских и ваховских хантов.

Различными были и так называемые «княжества» обских угров — и по размерам, и по численности, и по составу населения. Например, в составе Кодского «княжества» было 13 городков по Оби, вошедших впоследствии в Березовский уезд: Нангакор и Низянский (Естыльская волость), Шоркарские юрты (Шеркальская волость), Килдысанские, Нарыкорские юрты и Вежакор (Чемашевская волость), юрты Малый Атлым, Большой Атлым и Вонжакорские (Малоатлымская волость)⁵¹. Население этих городков насчитывало 1276 человек, 46% браков оно заключало за пределами «княжества». Кода, таким образом, не имела эндогамного ядра. Такая же картина наблюдается в Бардаковом «княжестве» Сургутского уезда. По всей видимости, оно занимало территорию двух волостей на Средней Оби — Юганской Подгородной и Обской Тром-Юганской. Численность населения в них — 500—600 человек, плотного эндогамного ядра на данной территории мы также не обнаруживаем (более 80% браков население этих волостей заключало с жителями других волостей).

Иначе обстояло дело в таком объединении как «княжество» или «государство» Пелым. Оно включало в себя территорию двух Пелымских, трех Кондинских и Табаринской волостей Пелымского уезда, а

⁵¹ Здесь и далее границы «княжеств» очерчены по данным С. В. Бахрушина, (Указ. раб., стр. 116—150). В XVIII в. транскрипция названий этих городков и юрт была несколько иной — Нагакарские, Низямские, Кылдысанские, Венжегорские.

Ориентация брачных связей населения Пельмского уезда по волостям

Волость	Численность населения	Характер браков в волости (всего 100%)		Характер межволостных браков в волости (всего 100%)		
		внутри-волостные	межволостные	межволостные в своем уезде	междуездные	межнациональные
Больше-Кондинская	549	75	25	35,5	56	8,5
Верхне-Кондинская	828	80	20	79	21	
Верх-Пельмская и Пельмская	389	74	26	8,9	42,6	48,5
Табаринская	183	46	54	1	57	42

Волость	Ориентация межволостных браков, заключенных в своем уезде (всего 100%)				Ориентация междуездных браков (всего 100%)			
	Б.-Кондинская волость	В.-Кондинская волость	Пельмские волости	Табаринская волость	Березовский уезд	Тобольский уезд	Верхотурский уезд	Туринский уезд
Больше-Кондинская	83	100	17	11,2	2	98	8,5	9,5
Верхне-Кондинская					8,5	83		
Верх-Пельмская и Пельмская		88,8			9,5	81	5	95
Табаринская			100					

Таблица 6

Ориентация брачных связей населения Верхотурского уезда по волостям

Волость	Численность населения	Характер браков в волости (всего 100%)		Характер межволостных браков в волости (всего 100%)		
		внутри-волостные	межволостные	межволостные в своем уезде	междуездные	межнациональные
Сосьвинская и Гаринская	127	41	59	52,5	15,5	32
Ворыинская	45	38	62	22	44	34
Тахтанская	168	52	48	57,5	37,5	5
Лозьвинская	?	26	74	64,8	17,6	17,6

Волость	Ориентация межволостных браков, заключенных в своем уезде (всего 100%)				Ориентация междуездных браков (всего 100%)					
	Сосьвинская и Гаринская волости	Ворыинская волость	Тахтанская волость	Лозьвинская волость	Западные волости уезда	Сургутский уезд	Пельмский уезд	Тобольский уезд	Верхотурский уезд	Туринский уезд
Сосьвинская и Гаринская	50	2,5	90	5	2,5	63,6	11	36,4	89	7,6
Ворыинская			25	25						
Тахтанская		79,5	2,5	16	2	3,7	85	3,7		
Лозьвинская		18,2	9,1	72,7			100			

также верховья Тавды (Чернавская волость Туринского уезда), в нем проживали 1884 человека. Степень эндогамности этой группы достаточно высока — 80%. То же можно сказать и о «княжестве» Ляпин. Оно занимало район Ляпинской волости, а также Сосьвинскую, Куноватскую и Подгородную волости Березовского уезда. Здесь проживали 3522 человека, лишь 27% браков заключалось за пределами «княжества». Оба объединения в этническом отношении были, очевидно, доволь-

Ориентация брачных связей населения Туринского уезда по волостям

Волость	Численность населения	Характер браков в волости (всего 100%)		Характер межволостных браков в волости (всего 100%)		
		внутриволостные	межволостные	межволостные в своем уезде	междуездные	межнациональные
Чернавская	95	49	51		88,5	11,5
Япанчина	? ¹	29	71	82	18	
Кургумова	22 ²	51	49	75	15	10
Жуковская	? ¹	36	64	78,4	13,7	7,9

Волость	Ориентация межволостных браков, заключенных в своем уезде (всего 100%)				Ориентация междуездных браков (всего 100%)			
	Чернавская волость	Япанчина волость	Кургумова волость	Жуковская волость	Пельмский уезд	Верхотурский уезд	Тобольский уезд	южные уезды
Чернавская					64	25,8	10,2	
Япанчина			57	43	100			
Кургумова		19	81		37,5	50		12,5
Жуковская		15	85		14,5	71		14,5

¹ Сведения о численности населения отсутствуют.

² Сведения о численности населения неполны.

но монолитны. Причем, первое было мансийским, второе — хантыйским. В каждом из этих объединений — «княжестве» Ляпин и «государстве» Пелым — проживало население, относящееся по лингвистической классификации к разным диалектным группам. Таким образом, можно с известной долей условности сказать, что как Пельмское, так и Ляпинско-Куноватское объединения могли в прошлом представлять собой союзы нескольких (очевидно, двух-трех) племенных группировок. Кодское и Бардаково «княжества», по всей вероятности, были политическими образованиями, создававшимися на время оборонительных действий, и опирались на более широкие группировки племенного характера (Кода связана с нижеобскими, Бардаково «княжество» — с сургутскими хантами).

Рассматривая характер направленности брачных связей населения отдельных волостей и уездов (табл. 1—7) в связи с лингвистической и этнографической характеристикой хантов и манси⁵², можно выявить этнографические и внутри них территориальные группы хантов и манси. В Березовском уезде степень эндогамности населения достаточно высока (98%), браки с жителями других уездов и межнациональные (с русскими и ненцами) составляют всего 2% (табл. 1). Внутриволостных браков в уезде 58%, 42% браков заключены с жителями других волостей того же уезда (межволостных), а также с населением прочих уездов и с представителями иных народов. Эти 42% браков распределяются следующим образом: большая их часть (94,2%) заключена в границах уезда, с жителями других волостей, 1% — межнациональные браки, 4,8% — браки с представителями других уездов. Если же мы посмотрим, из чего складываются в свою очередь эти 4,8%, то увидим, что подавляющее большинство этих браков (88%) заключено с жителями

⁵² Лингвистическую и этнографическую характеристику групп обских угров см. Э. П. Соколова, Формирование этнографических и территориальных групп у обских угров.

Наименования групп, их расселение		
этнографическая (э)	территориально-диалек- тальная (т — д)	территориально-говорная (т — г)
<p>Северная Березовский уезд: Обдорская, Куноватская, Казымская, Подгордная, Чемашевская, Шеркальская, Естыльская волости (Нижняя Обь с притоками)</p>	<p><i>Обдорская</i> Обдорская волость (низовья Оби)</p> <p><i>Шурьшикарско-Березовская</i> Куноватская, часть Подгородной волости (Обь ниже Березова)</p> <p><i>Казымская</i> Казымская, часть Подгородной волости (реки Казым, Обь)</p> <p><i>Шеркальская</i> Шеркальская, Чемашевская, Естыльская, часть Подгородной волости (Обь выше Березова)</p>	<p><i>Шурьшикарская</i> часть Обдорской, Куноватской, Подгородной волостей (Нижняя Обь)</p>
<p>Южная Березовский уезд: Ендырская, Малоатлымская, Сухоруковская, Белогорская волости; Сургутский уезд: Селиярская волость; Тобольский уезд: Самаровская, М. Кондинская, Нарымская, Назымская, В. Демьянская волости (нижнее течение Иртыша, Конды, Обь в районе устья Иртыша)</p>	<p><i>Атлымская</i> Ендырская, Малоатлымская волости (Обь ниже Белогорья)</p> <p><i>Кеушинская</i> Сухоруковская, Белогорская, Селиярская волости (Обь при устье Иртыша)</p> <p><i>Иртышско-Кондинская</i> Самаровская, М. Кондинская, Нарымская, Назымская, В. Демьянская волости (нижнее течение Иртыша и Конды)</p>	<p><i>Самаровская (Усть-Иртышская)</i> Сухоруковская, Белогорская, Селиярская, Самаровская волости (Обь при устье Иртыша)</p> <p><i>Иртышская</i> Нарымская, Назымская волости (нижнее течение Иртыша)</p> <p><i>Кондинская</i> М. Кондинская волость (нижнее течение Конды)</p> <p><i>Демьянская</i> В. Демьянская волость (р. Демьянка)</p>
<p>Восточная Сургутский уезд: волости Салымская, Балыкская, Б. Юганская, Юганская Подгородная, Тром-Юганская, Обская Тром-Юганская, Агайская, Пимская, Ваховская, Салтыковы и Лумпокольские (по Оби и Ваху), Пирчина, Тымская по Ваху, Караконская по Кульегану; Нарымский уезд: Ларьятская, Васюганская волости; Тобольский уезд: Темличева и Тарханская волости (Средняя Обь с притоками)</p>	<p><i>Салымская</i> Салымская, Тарханская, Темличева волости (р. Салым)</p> <p><i>Сургутская</i> Б. Юганская, М. Юганская, Юганская Подгородная, Пимская, Аганская, Балыкская волости (реки Юган, Пим, Аган, Балык, Обь в районе их впадения)</p> <p><i>Вахо-Васюганская</i> Ваховская, Салтыковы и Лумпокольские по Ваху и Оби, Пирчина, Тымская по Ваху, Караконская по Кульегану, Ларьятская, Васюганская волости (средняя Обь с притоками Вах, Васюган)</p>	<p><i>Ваховская</i> часть Ваховской, Салтыкова, Лумпокольская и Тымская волости по Ваху, Караконская волость по Кульегану (р. Вах)</p> <p><i>Васюганская</i> Васюганская, Ларьятская волости (р. Васюган)</p>

Численность групп			Эндогамность			Характеристика языка групп		
э	т — д	т — г	групп (в %)			э	т — д	т — г
			э	т — д	т — г			
5114	1624	около 1500	88	60	66	северная	обдорский	шурышкарский
	около 1977			66			шурышкарско-березовский	
	около 1268			81			казымский	
	4161			74			шеркальский	
4234	1009		85	69		южная	атлымский (низямский)	самаровский (усть-иртышский)
	792	1019		67	52,5		кеушинский	
	около 2433	около 997		86	38		иртышско-кондинский	
		603			51			
		616		73			демьянский	
5206	579		96,4	76		восточная	сальмский	ваховский
	1956			93			сургутский	
	около 2073	около 315		84	57		вахо-васюганский	
		около 600		91			васюганский	

Наименования групп, их расселение

этнографическая (э)	территориально-диалектальная (т-д)	территориально-говорная (т-г)
<p>Северная Березовский уезд: Ляпинская, Сосьвинская волости; Верхотурский уезд: часть Лозьвинской волости (реки С. Сосьва, Ляпин, верхнее течение Лозьвы)</p>	<p><i>Сосьвинская</i> Ляпинская, Сосьвинская волости (реки С. Сосьва, Ляпин)</p>	<p><i>Верхнесосьвинская</i> часть Сосьвинской волости (верхнее течение С. Сосьвы)</p> <p><i>Сосьвинская</i> часть Сосьвинской волости (среднее течение С. Сосьвы)</p> <p><i>Ляпинская</i> Ляпинская волость (р. Ляпин)</p>
<p>Западная Пельмский уезд: В. Пельмская, Пельмская волости; Верхотурский уезд: Сосьвинская, Гаринская, Ворянская, Тахтанская, Лозьвинская волости (реки Пелым, Лозьва, Сосьва)</p>	<p><i>Пельмская</i> Пельмские, Сосьвинская, Гаринская, Ворянская волости (реки Пелым, Сосьва)</p> <p><i>Среднелозьвинская</i> Тахтанская, Лозьвинская волости (р. Лозьва)</p>	
<p>Восточная Пельмский уезд: В. Кондинская, Б. Кондинская волости; Тобольский уезд: Б. Юкондинская волость (р. Конда)</p>		<p><i>Верхнекондинская</i> В. Кондинская волость (верхнее течение Конды)</p> <p><i>Среднекондинская</i> Б. Кондинская волость (среднее течение Конды)</p> <p><i>Нижнекондинская</i> Б. Юкондинская волость (среднее течение Конды с притоками)</p>
<p>Южная Пельмский уезд: Табаринская волость; Тобольский уезд: Кошутская волость; Туринский уезд: Чернавская, Япанчина, Кургумова, Жуковская волости (реки Тавда, Тура)</p>		

Тобольского, 10,5% — Сургутского, 1% — Пельмского, 0,5% — Верхотурского уездов. Из табл. 2 видно также, насколько различна степень эндогамности каждой волости. Наиболее монолитными являются группы, расселенные в бассейнах притоков Оби (Казымская, Сосьвинская, Ляпинская волости). Выявляются также специфические направления брачных связей отдельных групп населения: казымских хантов — с сургутскими, хантов Оби южных волостей уезда — с иртышскими хантами Тобольского уезда, ляпинско-сосьвинского населения — с нижеобскими хантами. Поражает отсутствие брачных связей ляпинцев и сосьвинцев с западными и южными манси, ведь современное население Северной Сосьвы и Ляпина — манси. По всей видимости, население здесь в прошлом было хантыйским по происхождению. Этим объясняется и вхождение в состав одного объединения — «княжества» Ляпин — населения Ляпинской, Сосьвинской, Куноватской и Подгородной волостей.

риальные группы манси

Численность групп			Эндогамность групп (в %)			Характеристика языка групп		
э	т-д	т-г	э	т-д	т-г	э	т-д	т-г
						группа диалектов	диалект	говор
около 2000	1820	?	82	82	около 35	северная	сосьвинский	верхнесосьвинский
		?			около 32			сосьвинский
		1107			65			ляпинский
около 729	около 561		84,2	66		западная	пелымский	
	около 200			38			среднелозьвинский	
1881		828	93		94	восточная		верхнекондинский
		549			75		среднекондинский	
		504			77		нижнекондинский	
около 1000			86			южная		

В Сургутском уезде степень эндогамности населения тоже достаточно высокая (92%), здесь так же мало межнациональных браков (0,8% от общего числа браков, заключенных за пределами группы). 8% браков заключены с жителями других уездов: южных волостей Березовского (см. данные по Селиярской волости), Темличеевой и Тарханской волостей Тобольского (Салымская волость) — табл. 1,3.

В Тобольском уезде обособленно стоят, как мы уже указывали, Темличеева, Тарханская и Кошутская волости. Население Кошутской волости чаще заключало браки с жителями Тавды (Чернавской и Табаринской волостей Пелымского и Туринского уездов). В этом уезде больше, чем в других, межнациональных (с русскими) браков — 8% (табл. 1,4). Население пограничных волостей заключало браки с жителями южных волостей Березовского (см. данные по Меньше-Кондинской, Самаровской и Нарымской волостям), Сургутского (см. материалы по Темли-

чеввой и Тарханской волостям) и Пелымского уездов (см. данные по Больше-Юкондинской и Кошутской волостям) — табл. 4.

Таким образом, очерченные эндогамные зоны совпадают с территориями этнографических групп хантов — северных, восточных и южных (табл. 8). Наиболее монолитной представляется группа восточных хантов (96,4% эндогамных браков). Однако, если учесть возможное хантыйское происхождение ляпинско-сосьвинской группы и включить ее в ареал северных хантов, плотность эндогамного ядра такого объединения возрастет до 97%. Численность подобных групп оказывается весьма близкой друг другу: меньше всех по численности группа южных хантов, но она и наиболее размытая, здесь больше всего межнациональных (смешанных) браков.

Этнографические группы манси можно выделить очень условно, так как часть населения обрусела или была тюркизирована, разные этнографические группы манси перемешались вследствие миграции части южных манси на север и восток, западных — на восток. Северная группа манси эндогамна на 82%, но брачные связи населения заключались преимущественно с хантами (табл. 1,2). Напротив, манси других уездов (Пелымского, Верхотурского и Туринского) связаны браками между собой. В Пелымском уезде самый высокий процент браков с русским населением (27,5%), в остальных уездах он меньше (9—18%), но гораздо больше, чем в уездах с хантыйским населением (табл. 1). Степень эндогамности ядра мансийского населения во всех этих уездах почти одинакова: 75,5—77—78%. В Пелымском уезде 47,5% браков заключено с жителями иных уездов: Тобольского (см. волости на Конде), Верхотурского (см. Пелымские волости) и Туринского (см. Табаринскую волость) — табл. 1, 5. Брачные связи населения Верхотурского уезда тяготеют к населению Пелымского уезда (табл. 1,6). Наконец, манси Туринского уезда заключали браки в основном с населением Пелымского уезда (табл. 1, 7).

Таким образом, эндогамные ареалы, выявленные в результате анализа брачных связей, совпадают с этнографическими группами. По направлению брачных связей, которые манси имели с населением других уездов, можно наметить четыре большие группы, очевидно, монолитные в этническом отношении, так как их представители заключали браки преимущественно в своей среде (табл. 9). Это кроме северных: 1) западные манси, жители Верхотурского уезда и Пелымских волостей Пелымского уезда; 2) восточные манси, жители волостей, расположенных на Конде, на территории двух уездов — Пелымского (Верхне-Кондинская и Больше-Кондинская) и Тобольского (Больше-Юкондинская); 3) южные манси — тавдинские, жившие на территории трех уездов (Чернавская волость Туринского, Табаринская волость Пелымского и Кошутская волость Тобольского уездов), и туринские (в волостях Япончиной, Куртумовой, Жуковской Туринского уезда). Степень эндогамности данных групп — от 82 до 93% (табл. 9). Наиболее сохранившейся и монолитной является, вероятно, группа восточных манси. Остальные мансийские этнографические группы малочисленнее, чем хантыйские; очевидно, они больше размыты.

В целом надо отметить, что для этнографической группы характерна самая высокая степень эндогамности — от 93 до 97%. Достигалась она благодаря заключению браков преимущественно в своей среде, при этом воссоздавались язык и культура, т. е. сам этнос. Существенный отличительный признак этнографической группы — наличие самостоятельного языка (северная, южная, восточная и западная группы диалектов хантыйского и мансийского языков приравниваются к самостоятельным языкам).

В границах этнографических групп можно выделить территориальные группы хантов и манси, имеющие собственные диалекты (табл. 8,

9). Показатель эндогамности подобных групп в целом ниже, чем этнографических, и не одинаков у различных групп (он колеблется от 60 до 93%). Высокая степень монолитности характерна для сургутских, иртышско-кондинских, вахо-васюганских и казымских хантов (более 80% браков — эндогамные). Такой же характер монолитности у сосьвинских и пельымских мансийских территориальных групп, остальные не выделяются ни по лингвистическим, ни по этнографическим данным; не реконструируются они и по материалам брачных связей.

Лингвисты выделяют говоры в составе некоторых диалектов. Мы попытались выявить такие говорные группы в составе территориальных групп по материалам брачных связей и языковым данным (табл. 8, 9). Степень эндогамности их чаще всего еще ниже, чем территориальных диалектальных групп (от 32 до 52—77%). Это естественно: они гораздо меньше по размерам. Но есть исключения: верхнекондинская группа манси (94%), васюганская (91%) и агано-юганская (89%) группы хантов. Очевидно, говорные и диалектальные особенности языка складывались под воздействием разных причин: во-первых, благодаря заключению браков преимущественно в своей среде и односторонним связям с соседями (васюганская группа), во-вторых, при многостороннем влиянии различных соседей и преимущественном заключении браков в своей среде (казымские ханты) или, наоборот, при преобладании браков с другими группами (агано-юганские ханты).

Лингвисты считают, что в прошлом угорские языки были более монолитными⁵³, что дробление некоторых диалектов на говоры началось уже в XIX в. По всей вероятности, это произошло благодаря некоторому возрастанию удельного веса внутриволостных и соответственно уменьшению межволостных браков в XIX в. (см. стр. 24 настоящей статьи). В свою очередь это изменение было связано, видимо, с ростом миграций и смешения населения. Возможно, и образование территориальных подразделений этнографических групп хантов и манси (так же, как и диалектов, выделившихся из диалектных групп, приравниваемых к самостоятельным языкам) обусловлено действием этого же механизма — постепенного смешения населения, уменьшения числа браков с представителями других регионов, возрастанием числа браков, заключенных в данной группе, — определявшего постепенную изоляцию группы. Вероятно, поэтому и диалектальные территориальные группы возникли позднее, нежели этнографические. Мы уже писали, что этнографические группы хантов и манси сложились, по всей видимости, в глубокой древности и связаны с формированием этих народов⁵⁴. Очевидно, в основе их лежат древние эндогамные племенные общности, на базе которых сформировались эти народы. Из их недр позднее выделились племена, их можно реконструировать по некоторым диалектальным территориальным группам. Группы в которых более половины браков заключено в своей среде, возможно в прошлом были племенными. Среди северных хантов такими были, вероятно, сосьвинско-ляпинские, нижнеобские, казымские и обские ханты, среди южных — обские, иртышско-кондинские, возможно, дельмские, среди восточных — салымские, сургутские, среднеобские, возможно, васюганские и ваховские. Племенной характер имели в прошлом, вероятно, мансийские пельымские, кондинские, тавдинские, туринские, лозьвинские группы. Другие племенные образования у них сейчас реконструировать не представляется возможным.

В отличие от таких, более поздних племенных образований объединения, ставшие основой формирования этнографических групп, мы на-

⁵³ Н. И. Терешкин, Хантыйский язык, «Языки народов СССР», т. 3, М., 1966, стр. 320.

⁵⁴ З. П. Соколова, Формирование этнографических и территориальных групп у обских угров...

зывают первичными племенами. У нас крайне мало данных для того, чтобы судить о социальных функциях таких образований. В целом надо отметить их аморфность, которая свойственна и другим социальным единицам обских угров. Эту нечеткость, аморфность форм социальной организации хантов и манси (рода, фратрии и племени) можно объяснить особенностями их экономической жизни — господством в прошлом примитивного рыболовно-охотничьего хозяйства, требующего весьма разреженного расселения населения на территории таежной зоны. Очень разреженное расселение семей (при плотности населения — 1 человек на 15—24 км²) на обширной и к тому же труднодоступной для регулярного сообщения территории давало населению возможность в случае нежелательности контактов с пришлым населением уходить в глубь тайги и вверх по течению многочисленных рек, притоков Оби и Иртыша. Это препятствовало возникновению различных регламентаций, которые могли обусловить дальнейшее развитие социальной жизни населения.

PROBLEMS OF THE CLAN, THE FRATRY, AND THE TRIBE AMONG THE OB' UGHRS

The paper deals with the problem of the origin and the specific features of the tribal structure of the Ob' Ughris. The author analyses the marriage registration acts of the Khants and the Mansis for the second half of the 18th and the 19th century in the State Archive of Tyumen' Oblast and thus uncovers dual marriage classes (phratries) in all groups of Ob'Ughris. At the same time, clans as subdivisions of phratries cannot be clearly traced; this is a specific feature of their social structure. The author relates the dual division of the Khants and the Mansis with the early Uralic population of West Siberia. The specific traits of the Ob' Ughri tribe are also shown in the paper. In the author's opinion, the endogamic groups (ethnographic and sometimes local ones) uncovered by analysing the population's marriage ties (about 16 thousand marriage registrations have been analysed) may be compared with the tribes of the Ob' Ughris of antiquity.
